

«It's a time, time, time to love...»

Вот и мне досталось немного французского космоса: Лёня взял меня с собой в Париж, там намечалась выставка русских рукотворных книг, сделанных поэтами и художниками. Весь XX век — от Маяковского и Крученых — до Тишкова. Лёне звонят оттуда ночью, они там очень предупредительные, и спрашивают:

— Кого вы хотите пригласить на открытие выставки?

— Из французов? — сквозь сон спрашивает Лёня. — Скажите, чтоб звали гостей поименитей. Ани Жирардо, Бельмондо, Белого Блондина в черном ботинке, Мирей Матье. И пару-тройку клошаров!

Лёня вез во Францию огромный красный жестяной сундук уникальных музейных книг. Надо ж было кому-то с другой стороны подхватить. Поэтому его пригласили с женой.

Ну, я собираюсь, и уже заранее предполагаю, что там заболею, *мысленным взором проникаю*, как Лёня будет транспортировать меня в аэропорт «Шарль де Голль».

— Только бы не на Пер-Лашез... — ободряюще заметил Лёня.

И все время, пока мы гуляли по утреннему и ночному Парижу, я записывала, записывала на диктофон, запечатлевала для своего французского космоса в эфире — плеск Сены под мостом, уличный саксофон, шарманку, чеканный марш и вопли футбольных болельщиков в Латинском квартале, стук каблучков по гулкой мостовой, скрежет лифта на Эйфелевой

башне, полыхание факела у глотателя огня, струи фонтанов, музыку парковых каруселей, шелест листьев платана в Люксембургском саду, удары каштанов о землю...

Монмартр, храм Сердца — Сакре-Кёр, Нотр-Дам де Пари, в Лувре, конечно, побывали. А то как? Все скажут: надо же, съездили в Париж, а в Лувре не побывали.

Московский фотограф Игорь Мухин ловит на свою волшебную камеру исчезающие мгновения, в которых запечатлевается целая жизнь людей, попавших в объектив. Вот фотография, сделанная им на площадке Эйфелевой башни в Париже. Самой башни нет, есть только ветер, и на этом ветру — изысканная пара парижан. Зачем они забрались на башню? Наверное, специально пришли, чтобы фотограф Мухин увековечил их в своей книге «Москва — Париж».

Все обнимаются, целуются! Кругом одни влюбленные. Даже завидно. Я попросила сфотографировать меня на фоне Джоконды, встала и улыбнулась загадочно. Но Лёня сказал, что улыбка не получилась, а только выпученные глаза. Тогда я попросила сфотографировать меня на фоне

скульптуры Альфонса Доде, автора знаменитого романа «Гартарен из Тараскона»: я все-таки опасалась, что на фоне Джоконды буду невыигрышно смотреться как женщина.

— А на фоне Альфонса Доде, — заметил Лёня, — ты будешь невыигрышно смотреться как писатель.

На Эйфелевой башне я вдруг увидела телефон-автомат, опустила монетку, набрала наш московский номер. Мы не дозвонились домой. А если б дозвонились, то прямо на Эйфелевой башне узнали бы, что в этот самый миг (начало октября 1993-го) по Москве шли танки, люди стреляли друг в друга. И наш Серёня боится выходить на улицу, потому что снайперы с крыш палят по кому попало.

То-то нам с Лёней на выставке все выражали сочувствие, а мы не понимали, в чем дело. А в аэропорту «Шарль де Голль» нас притормозили таможенники и серьезно спросили, глядя, как на идиотов: «Вы действительно хотите вернуться?»

Из ветреной французской осени взирали мы на русский космос.

Помню возвращение. Кромешная темень. В тот вечер даже на Тверской не горели фонари. Писатель Владислав Отрошенко встретил нас в Шереметьеве, погрузил на крышу автомобиля сундук с книгами (была там и книга его стихов «Пасхальные хокку» с иллюстрациями Тишкова, Владик ее послал потом японскому императору на день рождения) и повез нас домой. А когда мы встали на светофоре, абсолютно пьяный человек сунул к нам в открытое окно пистолет и приставил дуло к виску водителя.

Горы аудиозаписей притащила я своим студентам в Институт современных искусств: мы ели хлеб, пили чай и слушали голоса Парижа.

Начинался учебный год, и я, пользуясь случаем, поздравила по радио своих учителей: дзенских мастеров Бодхидхарму, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы, Линь-чи, Хуэнэна, Какуана, Джидду Кришнамурти, Ошо и Эллу Эдуардовну Кац.

И, конечно, учеников. Милое дело, скажу я вам, иметь учеников и последователей. Самому уже можно ничего не делать, а только поучать и давать наставления.

Как-то моя ученица Юлия Говорова, памятуя о давней любви учителя к дальним странствиям, позвала меня к знакомому путешественнику, руководителю и организатору самых авантюрных и экстремальных экспедиций по всему свету. Перечисление его званий и регалий займет отдельный абзац.

Президент транснациональной школы выживания, инструктор европейской школы выживания, почетный член международного центра духовного, нравственного и физического возрождения, академик международной академии сохранения жизни, инструктор по рукопашному бою, подводному плаванию и так далее, и тому подобное.

Он бывал в пустынях, на полюсе холода, в морях и океанах, в тайге, в горах, в подводных экспедициях и в аномальных зонах, исследовал подземную Москву, без денег, документов, ни слова не понимая по-итальянски, проехал весь Апеннинский полуостров, провел целую ночь в действующем вулкане.

Короче, мы отправились к Виталию Сундакову.

Тем летом Сундаков совершил небывалую экспедицию в Южную Америку к истокам реки Ориноко. В глубинах сельвы Амазонии, куда не ступала нога белого человека, где накануне этой экспедиции бесследно пропали трое французских ученых-антропологов, Виталий Сундаков и его друг, путешественник и журналист Яцек Палкевич, основатель школы выживания в Риме, добрались до обитающего в густых тропических лесах племени индейцев яномами.

Эту встречу смело можно приравнять к «межпланетному» контакту, поскольку индейцев яномами вообще не коснулась современная цивилизация. Путешественники поселились у них, познакомились поближе, подружились. Хотя ходят слухи, что яномами — каннибалы. Одно неверное движение, и Яцека с Виталием просто съели бы, такие дела.

— Они не каннибалы, они некроканнибалы, — скромно уточнял Виталий, чтобы журналисты не преувеличивали его и без того невиданную отвагу. — Сжигают почивших родственников, пепел смешивают с банановой кашей и съедают. А каннибалы — асматы в Ириан Джая. Это западная часть острова Новая Гвинея, входит в состав Индонезии. У асма-тов я тоже гостил в этом году.

И показал фотографию, где он с копьем стоит между двумя воинами-асматами, весь разрисованный, а на фаллосе у Виталия Сундакова красуется холим. Это такая трубка, она делается из оболочки тропического плода, ею определяется твой социальный статус. Чем солидней холим — тем выше статус. Один из воинов подарил Сундакову холим со своего, гм, плеча. На фотографии эта штука едва не упиралась Виталию в подбородок.

Великий путешественник встретил нас с Юлей очень радушно, готовый рассказывать и пересказывать, как все было, со всеми подробностями, хотя каждый шаг в сельве Амазонии, предупредил он, достоин отдельного романа.

Итак, он начал:

— Неделю я уже в Москве и, как видите, в состоянии членораздельно отвечать на ваши вопросы.

Я включила диктофон — парижский, высшего качества, способный регулировать скорость записи, и мы почти час сидели с Юлей, затаив дыхание, слушали рассказ Виталия о том, как живут племена яномами в верховьях Ориноко. Сундаков с Яцеком Палкевичем увидели яномами первыми. Это очень важно. Увидели первыми и не напали. Это означало одно: у белолицых нет коварных замыслов.

— Но самое интересное, — рассказывал Виталий, — яномами не имеют никакого представления об окружающем мире дальше их района джунглей. И вполне этим счастливы.

Тут я решила проверить, как идет запись. Нажала на «стоп», перемотала пленку, включаю — боже мой! Такого героя! Географа,

академика — на глазах ученика — я записала на «буратине». Это когда слова разборчиво, но очень быстро и высоким голосом.

Я понимала: то, что было, уже не повторить, и предложила оставить как записалось.

— Ну уж нет! — возмутился Сундаков. — Народ подумает, что я вернулся из джунглей не *таким, каким уехал*.

И мужественно начал сначала.

Я снова включила диктофон, и вновь зазвучала удивительная история о том, как в верховьях Ориноко два путешественника в непроходимой сельве нашли тех, о ком они столько слышали и мечтали, к кому они столько лет стремились. Нетронутая цивилизация, племя низкорослых людей, чья одежда состоит из веревочек, обвязанных вокруг талии, а тела разрисованы красной и черной красками. Женщины там, он рассказывал, очень красивы, мужчины — охотники и воины, в качестве оружия используют копья, луки и стрелы, наконечники которых пропитываются ядом кураре. И что самое интересное, яномами не имеют никакого представления об окружающем мире за их участком джунглей. И, похоже, вполне этим счастливы.

Я снова: дай, думаю, проверю, как проходит запись? Остановила, отмотала. Караул! Теперь записалось на «карабасе барабасе». Это когда вообще ничего не понятно — и очень низким голосом:

— ОАОАММММ... — как будто на языке яномами.

— Все, — сказал Сундаков.

И я с гордостью отметила, что своим техническим кретинизмом практически до смерти замучила самого прославленного выживальщика у нас на планете. Сундаков и на Юлю стал поглядывать с подозрением — что ж за ученик может быть у подобного учителя?

Тогда я говорю:

— Виталий! Держитесь, вы не должны падать духом!

— Да, — ответил он мне слабым голосом.

Помедитировал немного, собрался с силами:

— ...и вот мы на катере, — снова говорит, — поплыли по Ориноко... потом на лодке, потом на долбленке, потом пешком. Было очень жарко, было холодно, тропические ливни, шкура висит лохмотьями — мгновенные ожоги, повышенная влажность, очень трудно двигаться, дышать. Джунглями мы уже были сыты по горло, поэтому мгновенного переноса в первобытные века не ощущали. А только: слава богу, дошли, теперь можно высушиться и отдохнуть.

— С чего же вы начали разговор? С подарков? — спросила я.

Холодное презрение отразилось на лице любителя нехоженых троп.

— Это огромное заблуждение: чтобы вызвать расположение туземцев, надо им дарить бусы и бубенчики. На самом деле за такое могут убить.

— Почему? — спросили мы с Юлькой хором.

— Да потому что вы явились на их территорию и все, включая ваши потроха, принадлежит им. Раз мне что-то вручают, значит, я сам взять не могу? И вообще, отчего ты считаешь, что без этой дребедени я не обойдусь?

Впрочем, — Виталий смягчился, — индейцы подолгу держали в руках мои механические часы, наблюдая за передвижением секундной стрелки. Это очаровывало все племя. Один смотрел минут сорок, передавал другому, тот садился на корточки, не спуская глаз. Я показал: их еще можно слушать. Они стали вслушиваться. Мы с Яцеком на двое суток перебрались в другое шабоно*, часы кто-то унес, я про них забыл. А когда вернулся, яномами подхватили меня под руки и привели к жилищу, там к перекладине кусочком лианы были подвязаны мои часы. И вот, как скорбно подводят проститься к телу близкого человека и отходят, чтобы ты побыл с ним наедине, так они подвели меня, отошли и понуро сели на корточки. Что ж такое? Оказывается, часы встали. «Вита ушел, и часы

* «Общежитие» индейцев яномами. *Прим. авт.*

умерли». Я взял их и завел. О, какое было всеобщее ликование, что они ожили. Я их оживил!

С этими словами Виталий включил свой магнитофон, откуда слышались звуки сельвы, ветер с Ориноко, крики попугаев, и хрипловатыми, низкими голосами яномами самозабвенно запели свои песни.

— О чем они поют?

— Эта песня без слов, — отвечал Виталий. — Поют они носом, даже не носом, а серединой головы. Есть такие песни, которые не воспроизвести нашим голосовым аппаратом — я пробовал. А когда записывал, не знал, кому подносить микрофон — губы ни у кого не шевелятся, рот у всех закрыт, полностью невозмутимые, сидят и дружно сверлят взглядом диктофон. Кто поет — обнаружить невозможно. Песни у них мужские и женские, песня мальчика, песня охотника, песня воина, песня шамана. Каждая имеет смысл, цель, время исполнения. Но им было до того любопытно услышать себя на пленке, что они пели мне все подряд, испуганно оглядываясь по сторонам, чтобы духи не уличили — с чего это он вдруг ни с того ни с сего начал просить себе жену? Или чтоб охота была удачной?

«Топа, топа...» — вдруг сказал кто-то из индейцев.

— Что это такое — «топа»? — спрашиваем мы с Юлькой.

— Топа — это бусы, — смущенно признался Сундаков. — Он мне говорит: «Бусы дашь мне, если я спою?» При чем песня должна исполняться на одном дыхании, — поспешил Виталий перевести разговор на другую тему. — Сколько длится выдох, столько и песня. И каждую поют дважды. Как ни проси спеть один раз — нет, им кажется, второй раз они споют лучше.

«Шау-шау-шау... — запели яномами. — Шау-шау-шау... Пщ-пщ-пщ!»

И раздался хохот.

— Шуточная песня о том, — мирно переводил нам Виталий, — как охотник отправился на охоту. Но эти слова не произносятся. Просто — идет охотник, понимаете? И вдруг — шау-шау-шау — он увидел птиц.

О, думает, вон она сидит, сейчас я ее убью. Стоит и слушает, как она поет. А она — шау-шау! — и пщ-пщ-пщ — улетела. Всякий раз, как ее пели — даже исполнитель не мог сдержать смех. Десять раз поют — десять раз племя заливалось смехом.

Яномами очень просили Сундакова спеть им песни его далекой родины. И тот в жарком влажном тропическом лесу, обливаясь потом, пел: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...» Они слушали внимательно, серьезно, поражаясь ее продолжительности, пробуя повторять на свой манер: «Ай, Моро, Моро, ай, Моро, Моро...»

— Я сначала думал, что это их песня, а они: «Это твоя песня, спой нам ее, пожалуйста, еще раз!»

На пресс-конференции, посвященной сенсационным экспедициям Сундакова в Амазонию и Новую Гвинею, кто-то из журналистов спросил у его жены Эли Сундаковой, как она ко всему этому относится. На что Эля спокойно ответила:

— С моим мужем ничего плохого случиться не может. А если могло бы — то нужен ли мне вообще такой мужчина?..

Ну, думаю, если у человека такая женщина, ему действительно ничего не страшно. А я-то своему Лёне всегда говорю, когда он идет в магазин, выводит гулять собаку или едет на дачу: «Лёня, если какие-то неприятности — все отдай и беги!»

Моя радиопередача о прелести дальних скитаний заканчивалась парадоксально:

— Когда-то, — сказала я, — дух странствий манил и меня. А тут у нас в Уваровке на вокзале подошел ко мне цыган. Обнял за плечо, — молоденький, кучерявый: «Ромэла, — говорит, — поедем с нами?!» А я ему: «Куда мне ехать, сынок? Я уже приехала. Это перед тобой открыты все пути...»

...Если бы мне сказали тогда, что пройдет восемь лет и мы с Лёней отправимся без проводника в Высокие Гималаи восходить на Аннапурну,

а потом на маленьком паруснике двинем в Арктику по Ледовитому океану, я бы не поверила, просто не поверила!

И все-таки:

«Тяга к приключениям, — говорил Ошо, — может быть прекрасным способом избежать главного приключения в твоей жизни. Настоящее приключение происходит само по себе. И это не то, чем возможно управлять. Вы так много не знаете о себе: кто вы, как случилось, что вы родились, чем и почему вы сейчас занимаетесь, куда направляетесь, каковы смысл и цель вашей жизни, вашей смерти, вашего будущего? Есть ли у вас прошлое, есть ли у вас будущее? Как случилось, что вы живете в смятении и печали, хотя все ваше существо стремится к счастью и покою? Сама жизнь — встреча с неизвестным, сама наша жизнь — приключение. А приключение — как раз и означает: встреча с неизвестным».

— Так что ж теперь, — спросите вы, — сидеть, из дому не выходить?

А вы знаете что ответчу? Это не важно. Сам Сундаков, выдающийся русский путешественник, сказал: «Начните жить ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС».

Все путешествия и приключения мира могут случиться там, где вы есть — если вы есть, конечно. Поскольку БЫТЬ, — говорит Ошо, — большое искусство. Даже если вы посетите Джомолунгму, вам придется возвращаться к себе. И в конечном счете обнаружится, что все Джомолунгмы мира находятся во мне, — а я столько всюду бродил...

Не важно, шагаете вы, плывете, летите над целым миром или у себя дома валяетесь на диване. Но чувствуете ли вы, что

*эта Земля — мед для всех существ,
все существа — мед для этой Земли...*

...А эти радиослушатели — мед для меня...

*

С радостью бы отправилась с Виталием Сундаковым и Яцеком Палкевичем к индейцам яномами в амазонскую сельву, пела б «Ой, мороз, мороз!..» под созвездием Южного Креста. И записывала бы, записывала все подряд, пока не сели батарейки и мой диктофончик не оплакали бы трогательные некроканнибалы.

Хотя не ручаюсь, что запись прошла бы успешней, нежели в Чертанове в квартире у дерзновенного путешественника, уж больно в полевых условиях обстановка боевая, ее можно кратко охарактеризовать трехстишием японского поэта Рию:

*Сквозь урагана рев,
Когда дрожит вся кровля, —
Цикады тихий звон...*

Все это мы называем обыденным словом «шумы». Благодаря им передача становится объемней, ярче, ощутимей. Шумы передают атмосферу, создают иллюзию присутствия, драматизм, звуковой аромат! Отличная уловка, избавляющая от нудных описаний и излишнего поиска специальных слов и выражений!

Не знаю, удалось бы мне без шумового сопровождения изобразить перформанс Германа Виноградова — поэта и художника, отца мировой бикапонии? (Бикапо — это музыкальные инструменты, изобретенные Виноградовым: трубочки, жестянки, банки, таз для варенья, бак, пружины от матраса, крючья и газовые горелки...)

Босой, наголо обритый, Герман бесшумно движется среди стволов Небесного Леса, постукивая колотушкой по железкам.

Все его инструменты — «синданд», «дзоинг», «джауз», «крусиляси», Небесный Лес — найдены им на свалке и обрели второе рождение.

Фото Натальи Силаевой

Музыкант и художник Герман Виноградов — с фотографией духовного наставника, белобородого Порфирия Иванова, народного мыслителя и целителя. Здесь, в своей квартире, он впервые реализует звуковую инсталляцию, называя ее «Бикапо». Две кошки сопровождают его по жизни, одна черная, другая белая. А однажды у острова Ньюфаундленд маленький корабль с Германом на борту окружила стая китов, они плавали вокруг, ныряли под суденышко, — он и сейчас слышит их голоса.

Что же такое жизнь, а что искусство, спрашиваем мы Германа Виноградова? И то и другое — всего лишь легкий звенящий звук Небесного леса. Иногда громкий, иногда тихий, но никогда не исчезающий для того, кто умеет слышать.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

«Чирк!» — занялся огонь в металлической сетке для яиц. Пламя перекидывается из сетки в сетку. Огромный огненный столб ударил в щит! А Гарик в это время в бубен бьет, гудит в английский рожок...

— Я всю жизнь прожил на шумном Садовом кольце, — рассказывает Гарик. — И в один прекрасный день мне удалось превратить этот звуковой хаос в явление благородное, преобразив его посредством инструмента, который я называю “кагуди”, что представляет собой трубу, высунутую на улицу и улавливающую шум. В нее вставлен микрофон. Уличный шум возбуждает собственное звучание трубы, каждая проезжающая машина задает свой лад и ритм. Так выражается идея свободной вибрации, к ней я всегда неосознанно стремился...

И мы даем «техно» Садового кольца. Нельзя упускать такие живописные средства, заменять их сплошным говорением!

К добыче шумов стоит относиться с не меньшим азартом и пониманием, чем к записи разговора с героями. Вообще запись шумов — вещь сама по себе захватывающая. Радиожурналист обязан быть их фанатиком и собирателем. Разумеется, использовать это дело надо с умом, не перебарщивая.

Как-то раз, путешествуя по Японии, я встретила высокого худого норвежца, ходившего от селения к селению в горах острова Хонсю. Звали его Стол. Профессор художественной школы в Осло, он вел там занятия по саунд-арту. Это искусство, полностью построенное на звуке: вместо кистей и красок в нем используются звуковые вибрации.

Человеческая речь, оттенки голосов, интонации — тоже палитра красок.

Профессор Стол записывал встречных японцев, чтобы построить инсталляцию в виде карты тех мест, где он побывал. Через какое-то время в музее Ичихары я увидела его творение. Это был воссозданный рельеф горной местности с точно обозначенными населенными пунктами. Когда зритель подносил руку к одному из них, включались динамики, и в зале слышались голоса жителей этого городка или

деревеньки. Они рассказывали истории о себе, о своей любви, о месте, где родились и живут.

Зрители простирали ладони над этой маленькой землей и слушали живые голоса ее невидимых обитателей. Музей как будто заполнился жителями гор. Их было много, и каждый говорил о своем, вливаясь в грандиозный человеческий хор, объединяющий всех нас, живущих по разным уголкам Вселенной.

Певец и композитор Том Уэйтс говорил, что его любимый звук издает жарящийся на сковороде бекон. Если вы его запишете и проиграете задом наперед, то он будет трещать и пощелкивать, в точности как старая пластинка на 33 оборота. А такую пластинку сейчас не так просто найти...

Среди вопросов, наиболее волнующих Уэйтса, был такой: могла ли Элла Фицджеральд разбить бокал своим голосом?

«Самая странная запись в моей коллекции, — сказал он в одном из интервью, — это пластинка “Лучшее от Марселя Марсо”*, выпущенная в семидесятые одной лос-анджелесской конторой. Там было сорок минут тишины, а потом аплодисменты. Продавалась она превосходно, естественно, я ее себе тут же купил. Я люблю ее ставить, когда приходят гости, и меня безумно раздражает, когда кто-то начинает разговаривать во время прослушивания».

Однажды Том Уэйтс увидел на улице бездомного старика. Тот перебирал какие-то предметы в мусорном баке и напевал песенку, из-за которой Том забыл, куда он шел:

*It's a time, time, time to love,
It's a time, time, time...
It's a time, time, time to love,
It's a time, time, time...*

* Французский актер, мим. *Прим. авт.*

Незамысловатый мотив, четыре строчки, но Уэйтс был заморожен. История гласит, что он записал ее в студии дуэтом со старым бродягой. Начинает старик — голосом потрепанного жизнью субъекта, расслабленным и блеклым. Однако в его тембре есть какой-то внутренний свет. Потихоньку вплетается голос Уэйтса, описанный музыкальным критиком так: «Он словно вымочен в бочке с бурбоном, будто его коптили в коптильне, а затем проехали по нему на тракторе».

Хриплый голос Тома набирает силу, крепнет, старик уходит в тень, звучит торжество тестостерона, непобедимого мужского обаяния и притягательности.

Потом они поют вместе, на равных, и возникает поразительная вещь: «городской путешественник» слаб, уязвим, гоним, словно лист осенний... Но он что-то постиг, судя по его пению и песне. Уэйтс — в расцвете лет, на пике славы, поддержал «арию» бездомного старика своим роскошно интонированным голосом. А тот ему помог всю жизнь своею. Вместе у них получилось объединить мудрость и буйное жизнелюбие, самый сок жизни.

Когда-то Лёня Тишков, зная мое равнодушие к звукам различной этимологии, на вопрос, что он подарит мне на пятидесятилетие, ответил:

— Я подарю тебе, Марина, звон от будильника. Заведу и скажу: слышишь, как звенит? Это тебе подарок на юбилей!

В своих передачах использовала я гул солнечного ветра, гудение тибетской чаши, на которое отзывается мировое пространство; пение Земли, кружащейся вокруг оси, шелест звезд, крики снежного человека, бой в огромный царский барабан, несомый слонем по улицам Дели, хор китов, вздох лох-несского чудовища...

Когда не стало моего друга Юры Дубкова по прозвищу Пиротехник, в финале посвященной ему передачи, чтобы не проговаривать эту

печальную весть, я объявила, что возжигаю в его честь бенгальский огонь...

И тот горел, потрескивая, в тишине, пока не зазвучала музыка и не пошли титры.

Голубой кит. Фото Андрея Волкова

В плавании по Ледовитому океану меня ждал божественный подарок — встреча с голубым китом, описанная мной в книге «Гуд бай, Арктика!». Совсем близко от нас появился он — громадная голова, покатавшая темная спина, вспыхнувшая на солнце, потом острый плавник а спустя довольно долгое время — гигантский хвост, похожий на два распростертых крыла. У меня есть кассета с голосами китов. Подобно старинному эпосу исчезнувшего с лица Земли народа, китовое пение длится часами. Призывная серенада, вакхическая песнь объятий и соития. Брачные пиры. Колыбельная для китенка. Гимны, плачи, псалмы. Молодецкие посвисты взрослых и тучных самцов... И отдельно — стук сердца кита. Стоит ему только разинуть пасть, особенно когда он с открытым ртом проплывает по планктонному морю, и на целый Мировой океан слышен медленный ритм его пульса...

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

